
Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

О РОЛИ ДЕНЕГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX В.

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2022

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – особенностям финансового оборота и экономической грамотности в горских обществах Нальчикского округа. Анализируются отличительные черты, присущие хозяйственно-экономическим процессам в пореформенной Балкарии. В работе исследуются содержание и специфика финансового оборота, и связанные с ним трудности, обусловленные ограниченностью наличных средств. Показано, что уже к началу XX в., в балкарских обществах происходит изменение доминирующей экономической парадигмы. На основе архивных материалов и данных периодической печати установлено, что в 80-х гг. XIX в. в горских обществах происходили важные процессы, способствовавшие повышению финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв; Нальчикский округ; Балкария; горские общества; финансовая грамотность; денежный оборот

Для цитирования: Дзуганов Т.А. О роли денег в повседневной жизни балкарских обществ в конце XIX в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 50–57. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

Original article

ON THE ROLE OF MONEY IN THE EVERYDAY LIFE OF BALKAR SOCIETIES AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Timur A. Dzukanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzukanov, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of one of the most important questions of economic history of Kabardino-Balkaria – peculiarities of financial turnover and financial literacy in mountain societies of Nalchik district. The distinctive features inherent in the economic processes in post-reform Balkaria are analyzed. In work the financial turnover, and the difficulties connected with it are investigated. It is shown that already by the beginning of XX century there is a change of dominating economic paradigm in Balkaria. Based on archival materials and data from periodicals, it is established that in the 80s.

XIX century there were important processes in mountain societies, which contributed to the increase in financial literacy of the population. The article reveals the main factors that had a key influence on this event.

Keywords: North Caucasus; XIX–XX centuries; Nalchik District; Balkaria; mountain societies; financial literacy; monetary circulation

For citation: Dzuganov T.A. On the role of money in the everyday life of Balkar societies at the end of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 50–57. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

Одним из наименее изученных сюжетов экономической истории балкарских обществ в пореформенный период остается вопрос о роли денег в повседневной жизни. Имеющаяся литература по данной проблеме крайне скудна, потому в работе над ней приходится, в большей степени, опираться на материалы периодической печати и путевые записи посещавших Балкарию путешественников. В работах исследователей советского периода этот вопрос также остался без должного внимания. Вместе с тем, сохранившиеся данные весьма противоречивы и не отражают в достаточной мере сложившуюся в этой области картину. Не следует также забывать, что эти описания составлялись не учеными, а, в большинстве случаев, туристами, не обладавшими специальными навыками и знаниями. В этих условиях информативность этих источников сводилась к фиксации наблюдаемых различий между балкарцами и жителями других кавказских провинций, через которые пролегал путь путешественника. Так, Нарышкин, посетивший Балкарию в конце 60-х гг. XIX в., отмечал чуть ли не всеобщую финансовую неграмотность населения. По его словам, местные жители, по своей непросвещенности, не знают хорошо цены деньгам и потому, «случается, что за какую ни будь безделицу они запрашивают тройную цену» [Нарышкин 1872: 334]. Путешественник «заметил», что «медная монета не в ходу, хотя бумажки принимаются охотно» [Нарышкин 1872: 335]. Эти взгляды путешественников разделяли и некоторые представители Терской областной администрации. Тульчинский, в известной работе, прямо указывает, что «в горах деньги очень дороги и почти их нет, а в особенности было мало в прежнее время» [Тульчинский 1903: 209]. Примечательно, что это утверждение явно диссонирует с его же данными о состоянии экономики в Балкарии в этот период, в соответствие с которыми, широко практикуемая в горских обществах торговля скотом приносила ежегодно до 72000 рублей годовой выручки [Тульчинский 1903: 208]. Остается неясным, куда, по мнению чиновников, в таком случае, девалась получаемая прибыль.

Отсутствие достоверных статистических данных не позволяет в полной мере оценить ее масштабы в предшествующие периоды. Относительно точные сведения относятся лишь к концу 60-х гг. XIX в. По данным Грабовского, в 1867 г. горцами было продано: 356 лошадей, 588 штук рогатого скота и 4469 штук баранов. Сами «горские хозяева» уверяли Грабовского, что «эта торговля с каждым годом приобретает более широкие размеры» [Грабовский 1870: 10].

Говоря об источниках получения финансовой прибыли, не следует забывать, что немалый доход крестьянской семье приносили отдельные кустарные промыслы, сумевшие удачно интегрироваться в капиталистический рынок. По данным И. Леонтьева, женщины и девушки у себя дома шерсть прядут, делают бурки, ткнут паласы и сукна. Семья может заработать на этих бурках, паласах и сукнах рублей до 200, считая в этой сумме и стоимость шерсти [Леонтьев 1897: 141]. Только сукна, балкарки в год выделывали до 390400 аршин, – отмечает по этому поводу Тульчинский [Тульчинский 1903: 188].

Так же регулярно поступлению денежной массы в балкарские общества должны были способствовать и другие традиционные народные промыслы – кузнечное дело, деревообрабатывающее и ювелирные ремесла. Несмотря на

проигрываемую конкуренцию с фабричными и мануфактурными товарами, изделия горских умельцев продолжали пользоваться определенным спросом даже в начале XX в. Особенно популярными в горской массе долгое время оставались изделия местных ювелиров. Своеобразным центром ювелирного производства к началу XX в. становится Урусбиевское общество. Здесь, из пяти постоянно практикующих ремесло мастеров, трое были местными жителями. Как видно из документов, в 1886 г. «производством золотых и серебряных изделий», в Урусбиевском обществе на постоянной основе, занимались мастера: Конак Гулиев, Зеке Гулиев и Хусейн Тибердиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Л. 133].

Рыночная интеграция подразумевает и возникновение новых предпринимательских практик. С конца 80-х гг. XIX в. в горских обществах наблюдается бурный рост мельничного дела. К 1900 г. только в Балкарском насчитывалось 72 частных мельниц, с годовым оборотом в 1800 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 110].

Ширилось отходническое движение. По данным М.Ч. Кучмезовой в Балкарском обществе 31 марта 1897 г. сельским правлением было выдано 8 разрешений местным жителям на отъезд в Кубанскую область «на заработки» [Кучмезова 1967: 62]. Сведения об интересной форме отходничества встречаются в записках Тепцова [Тепцов 1892: 211], сообщавшего, что балкарцы и кабардинцы «арендуют земли у рачинцев в истоках Риона и у сванетских князей Геловани и Гордобхадзе» в истоках Цхенис-цхали, куда «пригоняется скот, обреченный на продажу в тех видах, чтобы продать его в Имеретии подороже поздней осенью, когда переход через горы становится уже невозможным» [Тепцов 1892: 211].

Нельзя также оставить без внимания развитие товарно-рыночных отношений в горах, выразившееся в возникновении собственной стационарной сети торговых учреждений. В том же Балкарском обществе к началу 1900 г. она насчитывала 13 коммерческих заведений с торговым оборотом в 2360 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 110].

К началу XX в. отмечались случаи активного вовлечения горцев в товарно-рыночное предпринимательство.

Нет никаких сомнений, что все приведенные факты свидетельствуют о достаточно высоком проникновении рыночных отношений в экономику горских обществ, и заставляют усомниться в справедливости положений дореволюционной историографии о повальной бедности и финансовой неграмотности местного населения. Кроме того, следует отметить, что не все современники, лично знакомые с состоянием экономики в Балкарии разделяли эту точку зрения. Грабовский, например, еще в 1860-х гг. указывал, что «горец не бедствует и не мечется из стороны в сторону, изыскивая средства к существованию; такое положение могло создаться только благодаря практичности горца, умевшего с толком взяться даже и за те скудные средства, которые оказались у него под рукою». Балкарский крестьянин, отмечает автор, «копит свой запасной капитал ... всегда без затруднения вытаскивает из-за пазухи 5–10 руб., тщательно завернутые в тряпочку» [Грабовский 1870: 11–12]. Это замечание Грабовского подтверждается другими источниками и ясно указывает на произошедшие изменения в экономическом целеположении горцев в пореформенный период. Новая социально-экономическая реальность инициировала масштабный процесс определения ключевых потребностей и мотивов, завершившийся утверждением в горском менталитете концептуальной парадигмы – «модель сбережения», ставшей основой каркаса экономического целеположения балкарского хозяйства в рыночных условиях. Ее главная мотивационная составляющая заключалась в обеспечении экономического благополучия, основанного на приобретении в собственность земельного надела. Способом достижения полагался ежедневный упорный труд всех членов семьи, направленный на рост общесемейного благосостояния. Ее этика укладывалась в строгие рамки соблюдения трех основных законов – набожность, трудолюбие, бережливость.

То, что сумел разглядеть и понять Грабовский осталось незамеченным многими современниками. Напротив, большинство путешественников посещавших пределы Балкарии в пореформенный период, с удивлением отмечают незначительность влияния рыночных отношений на материальную культуру балкарского крестьянства. Отсутствие бросающихся в глаза изменений в традиционной архитектуре и убранстве домов, в одежде, пище, повседневном обиходе и проч., расценивается ими как показатель отсталости и даже «дикости». Отмечая трудолюбие балкарцев, авторы путевых заметок не видят результатов их деятельности воплощенных в предметах роскоши, потому дороговизну местных продуктов и услуг, склонны объяснять слабым оборотом наличности: «случается, что за какую ни будь безделицу они запрашивают тройную цену» [Нарышкин 1872: 334]. По свидетельству Тепцова, предприимчивые сваны, по осени, выменивают у чегемцев за шапку груш ягненка [Тепцов 1892: 211].

Несмотря на столь негативные оценки отдельных авторов, совокупный анализ имеющихся документов и материалов убеждает нас в обратном. Для понимания общей картины, крайне важно изучение основных источников поступления финансовых средств в экономику балкарского крестьянства, а также направления их применения.

В целом, источники поступления наличности в горские общества достаточно подробно освещены в имеющейся по данному вопросу литературе. Основным источником поступления наличности в горские общества в пореформенный период, как известно, являлась торговля скотом. Нет никаких сомнений, что большая часть прибыли от этой торговли оседала в руках крупных землевладельцев, в большинстве своем, из числа местной аристократии. Ограниченность пастбищных ресурсов в значительной мере усугубляла эту ситуацию. Вместе с тем, продажа скота, являлась основной статьёй дохода и крестьянских хозяйств Балкарии.

Второй по значимости оставалась торговля животноводческой продукцией (шерсть, шкуры, молочные изделия). Своеобразие этой коммерции заключалось в сохранявшемся вплоть до начала XX в. ее меновом характере. Как и изделия кустарных промыслов (шерстяные ковры, бурки, сукна и проч.), эта продукция служила своеобразным обменным фондом, на который приобретались товары повседневного спроса. Овечья шерсть, сукно, готовые изделия в виде паласов и бурок выступали своеобразным эквивалентом денежной единицы, которые охотно принимались даже лавочниками в стационарных торговых заведениях. «Женщины и девушки у себя дома шерсть прядут, делают бурки, ткут паласы и сукна. Продукты труда продаются местным евреям, которых здесь четыре семейства, сванетам и имеретинам. Семья может заработать на этих бурках, паласах и сукнах рублей до 200, считая в этой сумме и стоимость шерсти» – замечает Леонтьев [Леонтьев 1897: 141].

Естественно, что в сохранении такого порядка, прежде всего, были заинтересованы торговцы, так как он предусматривал серьезный дисконт за сырье и полуфабрикаты при обмене. «Вся эта масса сукна сбывается за бесценок и, собственно говоря, в руки горской женщины не перепадает и гроша, потому что тут не продажа, а простая мена товара на товар» – подчеркивает Тульчинский [Тульчинский 1903: 188–189]. Основным выгод получателем от такой «торговли» становились горские евреи, «зимой и летом» раскидывавшие свои «сети-лавочки» в горских селениях, обменивали шелка, нитки, спички и мелкий «красный товар» на овчины, туры шкуры и рога, кожи от скота и лошадей, шерсть, полсти и т.п., получая при этом барыш «более чем в 200%» [Тульчинский 1903: 190].

Таким образом, несмотря на достаточно внушительные объёмы товарной продукции, балкарская семья ощущала постоянный дефицит наличных средств. Это обстоятельство вынуждало горцев искать новые источники пополнения семейного бюджета.

К началу XX в. дефицит наличности вынуждает балкарского крестьянина все чаще прибегать к услугам разного рода ростовщиков и заимодавцев.

В 1897 г. некий Осман Шахмурзаев, житель Чегемского общества, подал прошение начальнику Нальчикского округа с просьбой о возвращении ему незаконно изъятого скота. Это имущество было изъято у него, по распоряжению слободского старшины (Нальчика), для погашения задолженности по ростовщическому кредиту купца Василия Зипалова [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 411. Л. 66–66 об.]. Не менее показательный случай произошел с жителем Безенгиевского общества Чутюем Боттовым (Биттуевым – Т.Д.). Заняв у Акмана Кучменова 7 рублей, означенный «Боттов» тут же, видимо чтобы отблагодарить кредитора, купил ему барана за 2 рубля и как он сам считал, остался должен 5 рублей, с которых ежегодно аккуратно выплачивал 3 рубля. Всего за 6 лет крестьянин выплатил 18 рублей, потому не мало удивился, узнав, что жадный кредитор не оценил его жест с подарком и исчислял сумму кредита в 7 рублей, потому требовал с него дополнительно еще 10 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 499. Л. 111–111 об.].

Другим распространенным явлением в пореформенный период становится монетизация традиционных институтов, таких, как например, обычай гостеприимства. Особенно этому способствовал увеличивающийся в горские общества наплыв туристов. Иностранцы и русские путешественники в пореформенный период становились частыми гостями ущелий балкарцев. Туристов манили красоты первозданной природы, возможность покорить вершины Эльбруса. Иностранцы охотно оплачивали ночлег в селениях горцев, услуги местных проводников, аренду лошадей и проч. Русский турист был более «капризен», не считаясь с нуждами полевых работ, требовал непременно «лучших» лошадей, проводников. Возмущение вызывает хозяин коша, который «очень и очень любезно принял нас всех, а за молоко и сыр запросил невероятно дорого. «Не думайте, что мне все это даром достается: я тружусь, работаю. Угощать не намерен!». Он потребовал даже деньги вперед за молоко, боясь, что мы его обманем. Потребовал плату и за ночлег в его коше» [Тепцов 1892: 129]. В другом балкарском ауле «каждый принес что-либо для продажи: сыр, яйца, петухи, полено дров, охапку ветвей... За все запрашивали бессовестно много, а конкуренция не только не сбавляла цены, напротив — каждый продавец старался запросить больше другого, видимо потешаясь нашим невыгодным положением» [Тепцов 1892: 184]. Леонтьев сообщает своим читателям: «Нужно заметить, что мы не так бросали деньгами, как это делают иностранцы путешественники: французы и англичане, которые своей излишней щедростью несколько избаловали урусбиевцев» [Леонтьев 1897: 155].

Дефицит свободной наличности усугублялся как запланированным обязательным ее расходом, например, выкупные платежи, государственные подати и повинности, оплата арендуемых земель, так и ситуативными тратами – сопровождение ритуальных мероприятий, общественные сборы.

Наиболее обременительными в первые годы пореформенного периода оставались выкупные платежи и государственные подати. Тем не менее, балкарский крестьянин прилагал огромные усилия для погашения именно этой задолженности, стоявшей на пути его экономической независимости и материального благополучия. Изучавший проблему изнутри Грабовский отмечал: «По заверению горских владельцев, бывшие холопы их, которым рассрочена выкупная плата, вносят ее, за редкими лишь исключениями, чрезвычайно аккуратно. Говорят даже, что они, не довольствуясь внесением в срок известной части выкупа, вносят плату при каждом случае, т.е., как только сумеют скопить некоторую сумму; словом горские холопы не щадят труда и изо всех сил бьются лишь-бы только скорее освободиться» [Грабовский 1870: 27]. Вполне объяснимое стремление предполагало концентрацию усилий всех членов семьи в достижении намеченной цели – погашения текущих долгов и покупка собственного земельного надела. Вместе с тем, серьезным

препятствием на этом пути оставались государственные подати и разнообразные повинности, обременявшие сверх всякой меры и без того скудный бюджет хозяйства горцев. Подати распределяются сельским сходом, причем принимается в расчет число взрослых мужчин в семье и состоятельность последней. Молодые люди до 25 лет и старики, к труду неспособные, в расчет не входят. Тепцов отмечает [Тепцов 1892: 134], что далеко не в самом бедном в Урусбиевском ауле «податей казенных сходит от 1 до 5 руб. на двор, земских сборов – 1 р. – 1 р. 50 к. В других аулах почти то же самое». Схожая ситуация наблюдалась и в других населенных областях Балкарии.

Большие средства расходовались на общественные нужды. Значительные суммы уходили на содержание местной администрации, оплату услуг юристов в многочисленных поземельных тяжбах, строительства колесных дорог, мечетей. Чегемцы, по сведениям Тепцова, «делают богатые пожертвования в Константинополь на магометанские духовные училища». На средства общества в ауле была выстроена «очень красивая деревянная мечеть с железною крышею, резными балконами, круглым минаретом и куполом над ним». Вблизи мечети над речкой Джилки-су, тоже на средства общества, «выстроены аульные ватер-клозеты. В них правоверные делают свои омовения из ручья, проведенного нарочно из Джилки-су» [Тепцов 1892: 165].

Не меньшую проблему для скотоводов Балкарии представляла аренда земли. Пахотные земли и сенокосы арендовались у князей исполу. За аренду пастбищ платили со 100 баранов одного. При расчетах платы с крупного рогатого скота два барана считаются за одну штуку рогатого скота [Тепцов 1892: 133–134].

Крайне затратными являлись и расходы на сопровождение ритуальных мероприятий. Учитывая все еще сохранявшийся патриархальный строй балкарского общества, подразумевавший неперемное участие всех родственников и соседей в значимых ритуальных событиях, их организация и финансирование предусматривали значительные расходы, ложившиеся тяжким бременем на семейный бюджет. По словам источника, девушки начинали собирать себе приданное чуть ли не с самого дня рождения. Родственники одаривали младенца деньгами, скотом. «Дарят потом в разных случаях: в праздники, в случае выгодной продажи, при хорошем урожае и приплоде скота и т.п. Из подарков этих составляется необходимый инвентарь будущей хозяйки: медные кувшины, миски, тазы, котлы, сковороды и т.п.» [Тепцов 1892: 169].

Рано начинал готовиться к свадьбе и жених. Уже в возрасте 15–16 лет он вынужден был подумать о женитьбе и начать готовиться к ней. «Ему, во-первых, нужно запастись костюмом, оружием; если он думает выделиться из семьи, то необходимо построить новую саклю и завести новое хозяйство; главное же, ему необходимо запастись деньгами для пиршества, калымом и подарками для родных невесты. На все это нужны годы терпения и труда, особенно же для бедняка» [Тепцов 1892: 169].

Калым – брачная плата за невесту, вносившаяся деньгами, скотом, лошадьми, вещами домашнего обихода и землей. «В Хуламе, Безенги и Чегеме таубии вносят калым до 1500 р., пару быков, две лошади, а по совершении накяха еще одну хорошую лошадь... Каракиши выплачивают от 600 до 800 р. и тоже пару быков и лошадь; простой народ не свыше 200 р. и также скотом. В Балкарии и на Баксане калым почти вдвое больше» [Тульчинский 1903: 209]. Примерно такие же сведения приводит И. Леонтьев. Калым за невесту из «простого сословия» платят в 300 руб., из «высшего класса» – от 500 до 800 руб., а за невесту из «привилегированного класса» таубиев платят 1500 руб. [Леонтьев 1897: 134].

«Так как в горах деньги очень дороги и почти их нет, а в особенности было мало в прежнее время, то калым большею частью заключается в 1/3 деньгами и 2/3 скотом по оценке на деньги», – заключает Тульчинский [Тульчинский 1903: 209].

Подводя итоги, отметим, что развитие капиталистических отношений поставило перед населением балкарских обществ ряд объективных экономических задач, от верного решения которых зависело их дальнейшее выживание. Особенно остро стояли вопросы финансовой грамотности населения и проблема насыщения экономики необходимой денежной массой. Отмечаемый многочисленными источниками слабый оборот наличности в повседневной жизни балкарского крестьянства, являлся не показателем отсталости горского населения, а закономерным следствием субъективных экономических факторов. Изменения традиционного хозяйственного уклада, интеграция народного хозяйства в рыночные реалии, пошатнули вековые устои патриархальной общины, обусловили заметные сдвиги в экономических представлениях горцев. Ограниченность земельных ресурсов, тяжелые природно-климатические условия побудили горское крестьянство мобилизовать силы для достижения материального благополучия. Необходимой мотивацией, в данном случае, выступала задача приобретения и расширения земельного надела – основного орудия производства в скотоводческом регионе. Важным условием реализации намеченных целей становилась безоговорочное следование выработанному императиву – трудолюбие, бережливость, набожность, – утвердившемуся в менталитете горца. Действие этого механизма, а также отсутствие заметных изменений в материальной культуре балкарцев, долгие годы воспринималось заезжими путешественниками и туристами за «дикость» и даже «отсталость» в экономических вопросах. Тем не менее, именно следование новым экономическим ориентирам позволило балкарскому населению Нальчикского округа в сжатые сроки изыскать необходимые ресурсы для наиболее оптимальной, в этих условиях, адаптации к рыночным новациям.

Список источников

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. Отд. IV. С. 1–28.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 59–73.

Леонтьев 1897 – *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому леднику // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. II. С. 119–162.

Нарышкин 1872 – *Отчет, Г. Нарышкиных*, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // Известия императорского русского археологического общества. СПб., 1872. Т. № 7. С. 325–368.

Тепцов 1892 – *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. Отд. I. С. 59–212.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152–216.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

GRABOVSKIĪ N.F. *Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh sosloviĭ Kabardinskogo okruga* [Economic situation of the former dependent estates of the Kabarda district]. IN: Sbornik svedeniĭ o kavkazskikh gortsakh. Vyp. 3. Tiflis, 1870. Otd. IV. P. 1–28. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.Ch. *Proniknovenie kapitalisticheskikh otnoshenii v ekonomiku balkarskikh obshchestv v poreformennyi period* [The Penetration of Capitalist Relations in the Economy of Balkar Societies in the Post-Reform Period]. IN: Uchenye zapiski KBNII. Tom XXV. Nal'chik, 1967. P. 59–73. (In Russian)

LEONT'EV I. *Poezdka k Baksanskomu ledniku* [Trip to the Baksan glacier]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis, 1897. Vyp. 22. Otd. II. P. 119–162. (In Russian)

Otchet, Gg. Naryshkinykh, sovershivshikh puteshestvie na Kavkaz (Svanetiyu) s arkheologicheskoi tsel'yu, v 1867 godu [Report, G. Naryshkins, who made a trip to the Caucasus (Svaneti) for archaeological purposes, in 1867]. IN: Izvestiya imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. SPb., 1872. T. № 7. P. 325–368. (In Russian)

TEPTSOV V. *Po istokam Kubani i Tereka* [Along the sources of the Kuban and Terek]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis, 1892. Vyp. 14. Otd. I. P. 59–212. (In Russian)

TUL'CHINSKII N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [The Five Highland Societies of Kabarda] IN: Terskiĭ sbornik. Vladikavkaz, 1903. Vyp. 5. P. 152–216. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.